

A detailed illustration of a medieval market scene. In the foreground, a young man and woman stand facing forward. The woman has long red hair and wears a brown dress with a white headscarf. The man has dark curly hair and wears a green tunic with a dark vest. They are in a bustling market with stalls on the left displaying various goods like bread and dried meat. Other people in period clothing are seen in the background. In the distance, a large stone castle with multiple towers and battlements sits atop a hill under a cloudy sky.

Зимин Сергей

Лёд для графини

18+

Зимин Сергей
Лёд для графини
Серия «Алхимик», книга 2

<https://litres.ru/74457288>

SelfPub; 2026

Аннотация

Наш соотечественник, восходящее светило отечественной биохимии, погибший при диверсии в лаборатории и очнувшийся в грязной лавке сельского целителя, проделал большой путь. Он уже юнкер и муж дочери барона, но судьба-злодейка и не думает останавливаться. Ему предстоит быть представленным графу Марку Аврелию. Как примет дворянство нашего лекаря? Об этом и многом другом читайте в книге "Лёд для графини"

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Зимин Сергей

Лёд для графини

Глава 1

«По воле и приказанию Его Высокородия Марка Аврелия Северана графа Ольденбургского.

Юнкеру Алексу фон Штейнфурту и супруге его, благородной госпоже Элеоноре фон Штейнфурт.

Нам стало известно о деяниях ваших, совершенных в селении Каменный Брод. Посему, желаем Мы лицезреть вас при дворе нашем, дабы из первых уст выслушать истории деяний ваших и воздать по заслугам подданным столь ревностным и старательным.

Поелику Мы извещены о печальном состоянии дорог, то срок вам назначаем, как просохнут дороги.

Писано со слов Его Высокородия Марка Аврелия Северана графа Ольденбургского и самолично скреплено подписью и печатью в год две тысячи триста первый от основания Великого Рима.»

Алексей закончил читать переданное ему гонцом барона послание и с тяжёлым вздохом опустил пергамент на чисто выскобленный стол своей лавки. Свиток, украшенный золотистой сургучной печатью с оттиском римской аквиллы на

фоне лаврового венка, лег рядом с новым небольшим арбалетом, который было удобно заряжать сидя на коне. Староста с тех пор, как ему в руки попал образец, очень увлёкся данным видом оружия и наделал уже больше десятка разных моделей. Одни шли в утиль, другие получали одобрение. Лучшие образцы предъявлялись юнкеру. Алексей подсказал ему идею многозарядного арбалета. Его когда-то поразило это торжество сумеречного китайского гения и хотелось такую же игрушку. Кузнец проникся идеей делать по много выстрелов подряд и уже неделю не вылезал из мастерской, где обсуждал эту идею со столяром Отисом.

Элеонора фон Штейнфурт, сидевшая напротив, подалась вперёд, её глаза, цвета весеннего леса, ловили каждое его движение, каждый оттенок в его голосе. Её пальцы бессознательно теребили край простой домотканой скатерти, но в её воображении уже мелькали отсветы витражей, шелест шёлковых платьев и торжественная музыка при графском дворе в далёком, сияющем Ольденбурге. Алексей же сквозь эти скупые, канцелярские строки видел лишь одну перспективу — проблему. Большую, запутанную, двойную проблему: как оставить Каменный Брод без своей защиты и как не дать себя раздавить в столице, где они с женой будут никем.

Алексей, поглядел на Элли и проговорил,

— Ну что, дорогая, — его голос прозвучал сухо, без восторга, — нас вызывают на ковёр. Ко двору самого графа Марка Аврелия. Судя по тону послания, он лично наведася

в Худе, и шкура нашего милого маленького щеночка произвела на него, гм, определённое впечатление.

— Тогда начинаем готовиться немедленно! — Элеонора вскочила, и её движения стали резкими, деловитыми, какими они бывали, когда она командовала женщинами во время Волчьей Осады. — Тебе нужен меч. Настоящий, с гардой и позолоченным эфесом. И плащ, хороший, не этот поношенный...

— Меч? — Алексей откинулся на спинку стула, смотря на неё с неподдельным изумлением. — Дорогая моя Элли, зачем мне меч?

— Как «зачем»? — удивлённо округлила глаза Элеонора, — Пояс нужен, мужчине, чтобы не потерять шоссы, а меч — чтобы не потерять честь! — Выдала она явно заученную фразу и гордо вздёрнула носик.

— Дорогая, что заставляет тебя думать, что наличие на поясе длинномерной железки, которой я не умею махать, защитит мою честь больше, чем отсутствие оной? Я же им смогу кого-нибудь зарубить, только если оный гражданин впадёт в полный ступор и, к тому же, зажмурится.

Уголки губ Элеоноры дрогнули. Она представила картину: её учёный муж, отчаянно размахивающий огромным клинком, в то время как уважаемый рыцарь в полных доспехах стоически ждёт, пока тот не устанет. Она фыркнула, а потом рассмеялась, звонко и легко, сбрасывая напряжение.

— Дурачок ты мой, — она перешла через комнату и неж-

но потрепала его по взъерошенным волосам. — Речь не об умении. Меч, он нужен для статуса. Простолюдинам нельзя носить мечи. Если ты с мечом, то, значит, ты дворянин. Это сразу все видят. И будут относиться соответственно.

— А стражники, вон, тоже с мечами. Они что, все поголовно дворяне?

— Нет. Но у них и мечи другие. Дешёвые железки.

— Ну, а где мы тут найдём дорогую железку, любовь моя, — поинтересовался Алексей. — Тут топор если есть, уже хорошо. Давай, без меча обойдёмся. И так, чувствую, траты нам призрадные предстоят.

Элеонора надумала было обидеться, как это, её муж и без меча? Как же он будет её защищать. Но, по зрелому размышлению, решила, что защищать её магией ничуть не хуже, чем мечом. И, если уж юнкер Алекс завалил такого волчищу, то и с другими обидчиками справится.

На дворе стоял конец месяца фебриуса. До времени, когда весеннее солнце «просушит дороги», оставалось как минимум полтора-два месяца. Время для сборов было, и Элеонора погрузилась в него с рвением полководца, планирующего кампанию.

Первым пал её гардероб. Она с воодушевлением вытащила несколько когда-то лучших платьев, но Алексей, придирчиво оглядев её выросшую в некоторых местах за год фигуру и осторожно заметил,

— Солнышко, мы оба уже не те, какими были год назад.

Ты стала во многом более женственной. Причём, прилично более. Ткань натянется не там, где надо, и будет кричать о провинциальной бедности громче любых слов. Шить надо на месте, в Ольденбурге. У них там, небось, и ткани другие, и покрой модный.

Алексей надеялся, что того золота, которое он получил за лечение от Отто хватит, чтобы справиться Элеоноре более-менее приличное платье. А за себя он не переживал, он в любой одежде неотразим. Да и оставался запас монет от собранных с села налогов после того, как оговоренная треть была отдана барону.

После долгих споров решили ехать верхом. Лошади давали и скорость, и проходимость по просёлочным дорогам, и независимость от телег. Грузоподъёмность, конечно, падала, но для них двоих, не обременённых свитой, это было не критично. Расстояние от Каменного Брода до Ольденбурга не было бескрайним, а ночевать можно было на постоянных дворах — дорога пролегла через обжитые места.

Однако, когда вещи начали собирать в походные выюки, Алексей с изумлением обнаружил, что «самое необходимое» разрастается с угрожающей скоростью. Здесь и кресало с огнивом, и запасные шплинты для арбалета, и шпильки для волос, и тюбики с мазями. Отдельный, тщательно упакованный кожаный мешок занимала дорожная аптека: несколько крошечных, бесценных склянок с «напитками маны», антисептики, болеутоляющие, стимуляторы. Смены прочной,

немаркой одежды, плащи, непромокаемые чехлы... Каждый предмет находил своё логичное оправдание, и от каждого было невозможно отказаться.

Смирная гнедая кобылка Элеоноры, та самая Белочка, по вине которой всё и началось, после выздоровления хозяйки превратилась в образец кротости. Она аккуратно ступала, чутко ловила каждое движение Элли и, кажется, испытывала тихую вину, которую пыталась загладить безупречным поведением. Конь Алексея, вороной жеребец по кличке Уголь, был полной её противоположностью — норовистый, с независимым взглядом и привычкой проверять седока на прочность. Однако, Алексей рассчитывал с ним договориться с помощью дара.

Всё свободное время Алексей отдавал написанию справочников для Генриха, куда впихивал все свои знания по микробиологии и химии. Генрих, к его великому изумлению, проявлял огромную тягу к учёбе и запоминал совершенно невозможные, на взгляд Алексея объёмы информации. Поразмыслив, юнкер пришёл к выводу, что это является причиной хронической неграмотности жителей селения. Невозможность что-либо записать приводит к необходимости запоминания таких объёмов информации, от которых встанут волосы дыбом у любого жителя двадцать первого века. И, хотя, объём информации, поступающей в мозг через глаза и уши в его потерянном будущем сильно вырос, но, вот, запоминание и качество обработки сильно упали. А Генрих

обрабатывал и укладывал по полочкам в своей голове всё, что получал от Алексея. В свои почти тринадцать он легко справлялся с большей частью потока пациентов, приходящих с ушибами, растяжениями или нагноившимися занозами. Избавлял от паразитов и вшей. Видел больные органы и собирал анамнез, историю заболевания, с дотошностью следователя НКВД. Его уже даже стали называть мастер Генрих.

После того, как Алексей женился на дочери барона, матримониальный интерес к нему со стороны всех обладателей дочерей на выданье поулег, хоть и не потух совсем. Среди кукушек у колодца, на посиделках с прялками и в тёплой дымке бань ходили упорные шёпоты, что у «благородных» — а ведь их лекарь-то теперь и сам благородный — поголовно распространено многожёнство. Что у каждого по три-четыре жены, а то и все пять. Так что, робкая надежда, подобная тлеющему под пеплом угольку, ещё теплилась в материнских сердцах. «Авось, и на нашу долю достанется», — вздыхали они, мечтательно глядя в сторону лавки лекаря. Однако, основное внимание переключилось на молодого Генриха. Парень входил в тот возраст, когда уже можно жениться, был весьма перспективным, как ученик лекаря, и, что самое главное, абсолютно холостым. Так что среди девиц от тринадцати и старше в селе и округе снова разразилась страшная эпидемия головокружений, мигреней, загадочных покалываний в боку и учащённого сердцебиения. Все эти хвори требовали тщательного и неспешного осмотра телес болящей со сто-

роны молодого мастера. Генрих, парень от природы сметливый, прекрасно осознал природу этих недугов. Тем не менее, с важным видом, нахмутив брови так, как это делал его учитель, он с огромным, хоть и тщательно скрываемым, удовольствием проводил осмотры несчастных девиц, некоторые из которых доходили даже до того, что осмотр проходили без исподней рубахи. Всё это вызывало страшную, чернящую зависть со стороны всей остальной подростковой братии села. Если бы не строжайший, под страхом тяжкой порки, запрет со стороны родителей, его бы точно избили в тёмном переулке за амбарами. Но сельским мальчишкам было сказано прямо и недвусмысленно: «Если на мастере Генрихе появится хотя бы один синяк или шишка — пороть будем всех, с десяти лет и старше, и без всякого разбора виновности. Он теперь — достояние села».

Незадолго до выезда Алексей, усадив Генриха за стол, выложил перед ним сброшюрованные листы, которые он получил из отскобленных от чернил свитков и книги, которые были в распоряжении Годфри. Всё, что было там написано, Алексей тщательнейшим образом прочёл, просеял сквозь сито своих знаний и теорий, и счёл таким диким бредом, что чернила со страниц он соскабливал, даже, с некоторым удовольствием.

— Вот, мой юный падаван, — обратился он к ученику, — это то, что я не успел тебе рассказать или показать на практике. Постепенно разберёшь. Все самые распространённые бо-

лячки ты и так знаешь, а тут всякая редкость описана. Правда, это очень гадкая редкость. На первой странице перечень по темам, а в конце — по симптомам. В комплекте с травником, на первые лет несколько тебе точно хватит. В травнике я поправил, что мог, так что, сведения там достоверные. Ну, а как смешивать и как насыщать энергией ты так прекрасно знаешь.

— Мастер, — удивлённо посмотрел на него Генрих, — Вы так говорите, как будто не с молодой женой к графу в гости едете, а на плаху собираетесь! Чего на Вас нашло-то?

Алексей откинулся на спинке стула, и тень от горящей свечи легла на его лицо, сделав его вдруг старше и суровее.

— Кто ж его знает, дружище, как там дело обернётся. Слышал же, небось, то о чём все кумушки судачат. Про то, что у этих развратных дворян многоженство практикуется.

— Да кто ж про такое не слышал? — Уши у Генриха покрасовели. Не иначе представил себя в окружении всех тех сельских красавиц, которых он осмотрел и перещупал за последнее время. И, судя по оттенку ушей, одеты они там были, мягко говоря, не слишком обильно. Ну, что поделаешь, пубертат у парня.

Алексей усмехнулся, но усмешка вышла какой-то кривой, без веселья.

— А как ты думаешь, когда такой вариант организации семьи будет применяться?

Генрих оторвался от своих фантазий, нахмурился, стара-

ясь мыслить логично, как учил его мастер.

— Ну... Когда всю работу бабы выполняют, а мужик постоянно в разъездах. Вон, у степных кочевников, я от торгашей слышал, так и есть. Приезжает хан или там батыр осенью в стойбище, до весны всех своих жён брюхатит, наследников плодит, а как трава зеленеть начинает — снова в набег или на перекочёвку. Женщины скот пасут, войлок валяют, юрты ставят.

— Рассуждаешь здраво, — кивнул Алексей. — Но наши-то дворяне, насколько я поглядел, в набеге не ходят. У них пашни, замки, слуги. Работу за них делают крестьяне.

— Ну тогда... если девок много родилось, — предположил Генрих, перенося ситуацию на знакомые ему сельские реалии. — Я слышал, лет сто назад в Травяном Поле вышло так, что на трёх-четырёх девок один парень получался. Так староста постановил, чтобы у каждого по несколько жен было. Ух, говорят, они все там и ругались! Но, дело постепенно выправилось и теперь там опять у каждого по одной жене.

— Почти угадал, друг мой. Только надо, с другой стороны посмотреть. Не если девок много, а если мужиков мало. То есть, или у дворянства большие проблемы с зачатием наследников, или огромная и постоянная убыль мужского населения. Судя по состоянию Элли, с зачатием у магов всё нормально. Остаётся убыль. Либо множество дуэлей, либо войны. В любом случае, я лучше перебдую, снабдив тебя всей доступной мне информацией, чем потом буду жалеть.

— Мастер, Вы. Вы... Вы, главное, возвращайтесь, — парень яростно потёр глаза.

— Обещать не буду, — покачал головой Алексей, — Обещать, это связывать себя по рукам и ногам. А как там дело повернётся, проживём — увидим...

—...Переживём — запомним, — подхватил Генрих одну из присказок мастера и улыбнулся сквозь слёзы. — Выживем — учтём.

— Да, вот ещё, это на случай, если наши дела пойдут совсем плохо, — Алексей достал из-за пазухи небольшой, но плотный свиток, запечатанный сургучной печатью с оттиском его нового герба (переплетённые змея и посох), и протянул его Генриху, — Это дарственная на лавку, дом и всё имущество в нём. Если мы через год не вернёмся и вестей о нас не будет — она твоя. Со старостой я уже переговорил по этому поводу. Он одобрил твою кандидатуру, как лекаря села. А дальше, — Алексей пожал плечами, — уже как знаешь. Хочешь — сиди спокойно в селе, лечи односельчан, да и с округи к тебе точно поедут, без работы не останешься. Хочешь — лезь выше, в город, к богатым купцам. Но, в любом случае, слушай меня сейчас внимательно: ищи себе ученика. Не просто помощника, а именно того, в ком дар почувствуешь. Если я нашёл сразу двоих с даром, то, значит, не такой он и редкий, как про него говорят. Может, спит или канал повреждён. И тебе методику лечения каналов тоже расписал. Я так барона вылечил.

Генрих молча кивнул, не в силах вымолвить слово. Он сжал в руках свиток и листы так крепко, что костяшки побелели. В тишине комнаты трещало пламя свечи, и огромная, недетская ответственность тихо ложилась на плечи вчерашнего мальчишки.

Утро выдалось солнечным и свежим. В воздухе висело какое-то непривычное ощущение. Запах прощания. Сегодня юнкер Алекс фон Штейнфурт, их любимый лекарь мастер Алекс уезжал к самому графу Ольденбургскому. По личному вызову последнего. Это было далеко не тривиальное событие, которое позволяло отложить текущие дела «на потом» и собраться всем селом на улице, ведущей от лавки лекаря к западным воротам.

Алексей, в дорожной одежде, состоящей из штанов, которые во всём селе носил только он один, рубахи — камизы, куртки — котты и плаща с капюшоном, в очередной раз проверил упряжь Белочки и Угля. Последний снова попытался его цапнуть. Раздраженный сборами Алексей посмотрел на коня, используя свой дар. И вороной вдруг отчётливо понял, что если он не бросил свои замашки, то жизнь его будет короткой и очень болезненной. По каждому его нерву прошла волна боли, но от неё нельзя было отпрыгнуть и её нельзя было атаковать, потому что его ноги перестали ему подчиняться. Он мог только стоять на месте и мелко дрожать, глядя на этого страшного человека, которого он считал мелким и недостойным такой чести, как быть своим всадником.

— Ты понял меня? — Поинтересовался Алексей у коня, снимая болевое воздействие и паралич.

Конь всхрапнул, но не попытался нападать, только косил на него одним глазом так, словно он был волком. В овечьей шкуре.

— Вот и ладушки, — Алексей протянул Углю кусок хлеба с солью. — Будешь хорошим мальчиком и всё хорошо будет.

Конь недоверчиво взял угощение от того, кто только что причинял ему невыносимую боль, подумал и прижался лбом к плечу страшного человека.

Из лавки вышла одетая по-походному Элеонора, в простом шерстяном платье-котте, которое плотно облегалось груди и талию, благодаря шнуровке на боках, и тёплом плаще. Алексей подсадил её на Белочку и молодая женщина, поёрзав в седле, упёрлась ногами в боковую подставку. Своего Угля Алексей пока вёл в поводу. Ещё успеет намазозолить задницу, пытаясь подражать отточенным движениям рыцаря Отто, который, по-прежнему, оставался для Алексея недосягаемым эталоном верховой езды.

Провожавшая толпа, стоявшая по сторонам улицы, сдержанно загудела. Вперёд вышел староста,

— Мастер Алекс, мы тут это... собрали, значит, в дорожку вам с госпожой Элли. — он протянул Алексею набитую сумку. — Тут, значит, и хлеб, и сыр, и сальце копчёное... И чем душу согреть тоже найдётся. В дороге-то самое оно, сталбыть.

— Спасибо, добрые люди, — не чинясь, поклонился односельчанам Алексей. Элеонора, по первости, всё пыталась его одёргивать, что не надлежит целому юнкеру кланяться простым крестьянам. Но, потом, сперва смирилась, а, затем, и сама не заметила, как начала отвечать на поклоны. Особенно, после Волчьей Осады. — Вы тут без меня, смотрите, Генриха не обижайте.

— Да как можно, господин Алекс! — загудела толпа разноголосицей. — Мы к нему со всей душой и вежеством! — крикнул кто-то.

— Могём, даже, женить его на ком скажет! — донёсся из задних рядов молодой, озорной девичий голос. — Хуч на мне!

Смешки прокатились по толпе, быстро перерастая в откровенный, здоровый хохот. Алексей покосился на провожавшего его ученика. Не сказать, чтоб такая перспектива сильно того пугала. Скорее, даже, насмотревшись на всё это тёплое и мягкое девичье богатство, он был готов жениться хоть прямо сейчас и хоть на всех претендентках разом.

— Держись, Генрих, — похлопал Алексей ученика по плечу, понизив голос так, чтобы слышали только они. — Сейчас, как только мы за поворот скроемся, все кумушки на тебя устроят облавную охоту, будто на самого жирного кабана в округе.

Генрих только вздохнул с деланным, преувеличенным сожалением, но глаза его блеснули.

— Переживу как-нибудь, мастер. Работа, знаете ли, спасает от дурных мыслей.

— Вот-вот, — поддакнул Алексей, — И позволяет каждый день щупать разных девок, верно, мой юный падаван?

— Истинно так, мастер, — не сдержал улыбку до ушей Генрих, — Но что поделаешь, коли долг лекаря ведёт меня к страждущим! И не моя вина, что у них всех такие страшные симптомы, что надо прижиматься ухом к их грудной клетке и долго выслушивать их дыхание!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.